

Эви Раскрасова

*Не всем выдают
краски и холст для
рисования счастья.*

Атаренад

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Эви Раскрасова

Амаренад

*<https://litres.ru/73905241>
SelfPub; 2026*

Аннотация

История одной семейной драмы, где опасная любовь и чувство вины заставляют выбирать из двух зол. Любителям интриг в таких красках как "Большая маленькая ложь" и "Отчаянные домохозяйки"

Меня зовут Амара. Я выросла в тепличных условиях, созданных моей матерью. Она собирает безупречные композиции из растений и не замечает, как медленно превращает меня в одну из них.

Но идеальные сады гниют так же легко, как и все живое. И когда лепестки начинают опадать, они устилают дорогу уже не красотой, а правдой, из-за которой однажды приходится вырывать себя с корнем из горшка, ставшего слишком тесным.

История о семейной одержимости деньгами, опасной любви, непросом выборе, чувстве вины и самоидентичности.

Содержание

Все права защищены.	4
Читателю от автора	5
ПРОЛОГ	7
***	8
ГЛАВА ПЕРВАЯ	13
САД АЗЕЛИИ ХОТОРН	13
***	14
***	22
***	31
ГЛАВА	37
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Эви Раскрасова Амаренад

Все права защищены.

Этот текст – часть мира, созданного автором.

Любое воспроизведение, распространение или адаптация произведения без разрешения автора запрещены.

Пожалуйста, уважайте границы этой истории.

Читателю от автора

18+

Это произведение – художественный вымысел. Все персонажи, события и их действия созданы воображением автора и не отражают реальных людей или ситуаций. Отдельные наблюдения и размышления основаны на личном опыте и субъективном восприятии автора. Текст не претендует на экспертную точность, но стремится к честности и достоверности.

В тексте могут присутствовать сцены психологического и физического давления, обсессивного поведения, эмоциональной нестабильности, а также отношений, способных вызвать дискомфорт или стресс.

Пожалуйста, будьте внимательны к своему состоянию во время чтения.

*С уважением,
Эви*

За цветы, что не срывают,

за любовь, что не ломает.

ПРОЛОГ

Сентябрь. Кровавая Бетти, Лондон

У детей в престижных кварталах Лондона есть одна особенность—они редко растут в одиночку. Обычно они рождаются целыми упряжками. Филипп и Рамона Романовы, Ник Слоун, Юлий Кури, Феликс Деметриу, Вивьен Ли и Лео с Тео Рейнеры знают друг друга с самого детства. Их лениво между собой окрестили “золотой восьмеркой лошадей” —холеными детьми, которых влиятельные родители с колыбели запрягли в один общий старт. Они вместе ломали дорогие игрушки, вместе учились поддерживать этот элитарный бизнес негласных рукопожатий с семнадцати лет и должны были стать нерушимым монолитом в управлении бизнесами. Но в их дружбе в какой-то момент случилась трещина еще при самой постройке, пока Филипп Романов окончательно не выбился из общей колеи, готовый перегрызть Нику Слоуну глотку. И в этот сентябрьский вечер в закрытом баре Сохо их дружба трещиной наконец разошлась окончательно, стоило Амаре сделать то, что от нее не ожидает еще никто..

Кровавая Бетти настолько красива, что это вызывало тревогу. Приглушенный свет, дорогой алкоголь и ленивый классический джаз, сочащийся из музыкальных инструментов, в сопровождении голоса Изи. Девушки-хостес с идеальными, глянцево-зализанными пучками волос на первый взгляд кажутся точными копиями друг друга. Одинаковые багровые платья-футляры, одинаковые маскарадные маски черного цвета, скрывающие лица. Различить этих безупречных куколок можно было разве что по оттенку кожи да цвету выбивающихся прядей. Стука каблучков от лаковых красных туфель не слышно – официантки, ничем не отличающиеся от хостес и бесшумно скользят по залу, разнося выпивку и закуски на тяжелых серебряных подносах. Лишний шум испортил бы эту безупречную песню порока, поэтому весь пол здесь представляет собой единую ковровую дорожку из кроваво-красного бархата, исключительно для элиты.

Аукционный лаунж буквально тонет в оттенках бордового и алого. Хрустальные люстры заливают пространство густым теплым сиянием, превращая закрытое сборище в роскошный..нет.. даже зловещий гала-вечер.

Я остановилась на входе, чтобы перевести дыхание и осмотреться. Первым в глаза бросился Ник-придурок- Слоун и, по совместительству, гений финансовых махинаций.

Он увлеченно обрабатывает какого-то мужчину в безупречном сером костюме. Тот слушает, не перебивая. Ничего удивительного: Ник способен уболтать даже мертвеца, если на кону стоят большие деньги. Мастер тонкого грабежа.

Мой взгляд скользит по лицам, цепляя знакомых, пока наконец не спотыкается о Филиппа.

Он стоит у дальней стены, намеренно дистанцировавшись от толпы, и неторопливо потягивает свой виски. Его холодные глаза лениво сканируют зал: пары, увлеченные шахматной партией; шумную, полупьяную компанию за покерным столом; шепчущихся в полузакрытых VIP-ложах гостей. Заметив меня, Филипп Романов замер. Его взгляд намертво пригвоздил меня к месту. Ни один мускул не дрогнул на его лице со шрамом, и эта абсолютная выдержка заставила меня внутренне сжаться. Он не был удивлен. Романов знал, что я приду. Возможно, он даже ждал, что я снова заглочу наживку, как его рыбка, и воспользуюсь данным им приглашением.

Я сделала уверенный шаг в его сторону, но в этот момент до меня долетело мое собственное имя. Ник произнес его вскользь, как незначительную деталь в разговоре, кивнув в мою сторону. Мужчина в сером костюме тут же достал из кармана дорогой кожаный блокнот, что-то быстро зачеркнул и понимающе кивнул.

Я застыла посреди зала, успев сделать всего пару шагов. Резко обернулась на Филиппа и со скрытым удовольствием заметила, как по его лицу пробежала тень. Впервые за столь-

ко времени нашего знакомства мне удалось считать его настоящей, живую эмоцию и ему явно очень не понравилось то, что он услышал. Филипп сделал полшага вперед, но я уже демонстративно отвернулась. Выудив бокал шампанского с подноса проплывающей мимо “куколки” – кража, которая будет стоять ей нового захода – я направилась прямым ходом к Нику, изо всех сил стараясь нести себя как королева, сохраняя невидимую маску ледяного безразличия, но внутри все ходит ходуном. В висках навязчивым неоновым пульсируют воспоминания о том самом первом дне, когда Филипп Романов переступил порог нашего цветочного.

Ник, заметив меня, словно просиял:

– Амара! Детка! – восторженно воскликнул он, моментально бросив своего собеседника. – Иди ко мне.

Он сократил дистанцию за долю секунды, притираясь ко мне слишком близко, и бесцеремонно опустил ладонь на мою ягодицу, нагло сжав пальцы.

– Пожалуйста, – выдохнул он, коснувшись губами мочки моего уха.

От этого его протянутого “пожалуйста” по коже продрал мороз мурашек.

Тошнотворный гаденыш. Чертов сорняк.

В голове молнией пронеслась мысль: Романов сейчас взбесится. Мне физически приятно было бы, если под этой его хваленой ледяной броней сейчас пробежал ток. С другой стороны, и дураку понятно, что отказать любому мужчине в

этом зале было смертельным риском, и Ник Слоун не был исключением.

Но я все равно ударяю его. С размаху, вложив в него всю свою злость и страх. Ладонь тут же обожгло адской болью. Хлесткий, звонкий хлопок разрезал лаунж, как нож торт. Музыка продолжает играть, но на какую-то сюрреалистичную секунду мне показалось, что в баре выключили звук, или мне в уши резко засунули беруши с шумоизоляцией. Живой джаз в исполнении Изи еще никогда не звучал так оглушительно громко. Я бросила короткий взгляд на сцену и увидела, как побелело лицо подруги. И только в эту секунду до меня дошло, какую колоссальную ошибку я только что совершила.

Ник медленно, пугающе медленно повернул голову обратно, схватившись за щеку, которая побагровела под стать самой Кровавой Бетти. Я посмотрела в его глаза и почувствовала, как внутренности сковывает настоящий, животный ужас, а от вдоха лакуны будто осушили во рту и сердце заколотилось как бешеное. Раньше Ник никогда так не делал. Да, он склизкий тип, но до такого еще не опускался. В его взгляде полыхнула такая дикая ярость, в которой я ясно рассмотрела, что это публичное унижение Слоун мне так просто не спустит.

У каждого в Бетти есть своя веская причина держать свои острые зубы сжатыми и поддерживать эти гнилые связи. Иногда здесь приходится делать то, от чего выворачивает на-

изнанку от омерзения. Это бизнес негласных рукопожатий: каждый что-то дает другому – деньги, защиту, статус, неприкосновенность. А для кого-то, вроде Ника, это просто форма игры, где правила пишет он сам.

Я снова отчаянно обернулась в сторону Филиппа, в молящей надежде, что он вмешается, разобьет этот кошмар. Но Романов продолжал стоять у стены. Неподвижный, будто каменная статуя.

– Зачем мне идти с тобой, чертов ты псих? – мой голос сорвался на высокой ноте, с трудом сдерживая истерику.

– А я ведь хотел по-хорошему, детка, и затем, что ты моя невеста или ты уже забыла? Так я тебе напомню сейчас.– невозмутимо ответил Ник.

Его лицо снова превратилось в маску светского приличия, но пальцы железным капканом сомкнулись на моих пальцах.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

САД АЗЕЛИИ ХОТОРН

*8:30. Лондон. Июль. Пятница. Цветочный бутик
Тюльпани Ателье*

Азелия Хоторн никогда не сомневалась в своей правоте. За столько лет –ни разу. Ни в день, когда выходила замуж за «такого» мужчину, ни в годы, когда училась с ним жить, ни в минуту, когда решила, что без труда справится с маленьким человечком. В конце концов, если ты способна держать в узде русского мужчину, ребенок вряд ли станет проблемой. Так ей казалось и Азелия искренне верила, что у нее получится все и сразу: идеальный брак, идеальная карьера и идеальная дочь. Прошлое она предпочитала не трогать, как и все, что могло испортить ее цветущие композиции. Так в ее саду появился первый сорняк. И, как это обычно бывает, он оказался не единственным..

Этим сорняком моя мать, разумеется, считает меня.

Я стою у окна, разглядывая припыленную лондонскую улочку, и изо всех сил стараюсь дышать через раз, чтобы не раздражать ее своим существованием. Челси этим утром сонный и тихий. Соседний антикварный не открывался раньше десяти. Его витрина тонет в темноте, пряча силуэты старинных фолиантов, гипсовых фигур и холстов. Галерея напротив тоже еще спит, приукрыв крыльцо сухими листьями, которые занес ночной ветер, словно одеялом.

Откуда-то с Кингс Роуд доносится густой, дразнящий запах свежего хлеба. Местные кафе открываются в восемь, но пекарни начинают волшебничать еще в четыре утра. В июле этот аромат разносится особенно далеко, окутывая квартал уютным шлейфом.

Мусорщики прогремели баками ровно в шесть, и теперь улица принадлежит двум существам: рыжей кошке, созерцающей мир с крыши с профессиональным безразличием, и велосипедисту в вырвиглазной желтой куртке. Он пролетел мимо без остановки, оставив после себя дежавю из одной сказки. А, ну и еще двум женщинам внутри Тюльпани. Одна из них с остервенением стрижет стебли, а вторая молча и пристально гипнотизирует лужу на полу.

Я живу над этим бутичком все свои восемнадцать лет.

Каждое утро один и тот же сценарий; спускаешься по красивой, но предательски скрипучей лестнице, и уже на четвертой ступеньке тебя сбивает с ног этот холодный аромат цветов: сочные зеленые ноты и сырая дождевая свежесть. Конкретные цветы угадать сложно, но кто-то из них обязательно орет громче остальных. Все зависит, конечно, от сезона. В апреле это наглые тюльпанчики и нарциссы. В мае – пионы, хотя из-за своей ювенильной капризности по-настоящему пылать ароматом они начинают только к июлю, на самом пике цветения.

В Тюльпани нет так такового межсезонья. Вся эта ботаническая роскошь круглый год сливается в многоголосье какого-то слегка сумасшедшего сада. И если к запахам я давно привыкла, то вид за стеклом завораживает меня до сих пор.

Пятница у нас – это всегда адский сад; безумно светлое раннее утро, через час-полтора после открытия принимаем утреннюю поставку, и обязательно (я бы даже сказала неизбежно) не обойдется без цветочного хоррора. Либо розы приедут со сломанными стебельками, либо бутоны примятятся в дороге, либо курьер решит исчезнуть с радаров. Но чаще всего хоррор случается, когда мамсоль обнаруживает, что кто-то налил в вазы не ту воду, и редкий сорт благополучно скончался в муках. К концу недели главным спонсором этих катастроф обычно становилась я. Просто потому, что в четверг вечером я застревала в лавке до полуночи, делая наброски, и шансы забыть что-то или погубить возраст

тали до вселенских масштабов.

Я вздрогнула, едва не выронив швабру. Моя идеальная мама выверенным, до ужаса элегантным жестом коснулась стеклянной дверцы холодильной витрины, проверяя ручку на наличие поломки.

Бабуля Элиз – Элиза Хоторн, англичанка до мозга костей, семьдесят два года, бывший преподаватель литературы и явилась в полдевятого *за компанию*. В ее личный набор для помощи в бутикее входят: термос с мятным чаем, именной секатор в потертом кожаном чехле и обязательный Бах или Вивальди фоном. (Спасибо, что не Вагнер и его полет валькирий, просто спасибо)

Щелк..

Щелк. Щелк.

Ее концентрации во время обработки стеблей мог бы позавидовать хирург. Бабуля берет цветок слегка дрожащими от старости руками, безжалостно обрывает нижние листья и одним движением откусывает стебель под косым углом, потому что косой здесь только он. Она делает это так медленно, что у меня внутри все чешется от нетерпения поторопиться. С другой стороны, именно бабуля Элиз является моим личным островком чертовой безопасности в этом доме.

Когда мне было семь, она учила меня делать компостный чай из банановых шкурок для маминых фикусов, и это была первая тайна, которую мы с ней держали от мамы; ни к чему говорить, что я еще и лазила в сам компостный ящик с кучей

пауков, ведь правда?

Когда мне было десять, и мама с чувством забрала меня из художественной школы, заявив, что это не то будущее, которое обеспечит мне устойчивое положение в обществе, Элиз Хоторн пришла ко мне в комнату с огромной чашкой бабуль-ти. Она сказала фразу, которую я выжгла у себя на подкорке: *«Имея руки, которые умеют рисовать, но потеряв школу, ты теряешь не способности, Амарента. Ты теряешь внутреннюю уверенность в том, что имеешь право продолжать. Не позволяй никому и никогда забрать у тебя это право, внученька».*

Это помогло. Я научилась адаптироваться под мамины ожидания, но продолжала гнуть свое. Бабуля за все эти годы ни разу не проболталась, что я торчу в лавке по ночам с четырнадцати лет, рисуя остатки нераспроданных цветов.. Она вообще умеет очень много чего не говорить вслух –наверное, это литературный навык: тридцать лет читать текст между строк и много размышлять явно не прошли даром.

Мама стоит посреди зала, продолжая сверлить глазами лужу. Молчание у нее бывает двух видов: спокойное, словно тихая гавань, и когда все очень и очень плохо и это означает, что сейчас полетят лепестки..и, возможно, головы.

По позе понятно, что это второй случай: спина прямая, руки скрещены на груди, голова чуть наклонена. Она смотрит на меня, ожидая, что я таки объяснюсь первой.

Не дождется!

– Это опять твоих рук дело, Амара?

Под «это»– мама имеет в виду холодильник.. Хотя он старая стеклянная витрина в шалфейном обрамлении, за которой под кондиционером дышат цветы, и дверца которой сейчас действительно приоткрыта – к моему горькому несчастью. Куплена она еще до того, как я научилась читать, и мама дорожит ей как артефактом: говорит, что ничто другое не стоит и цента данной ручной работы.

Из щелей тянет арктическим холодом. На полу скопилась приличная лужица – конденсат, натекший за ночь. Я скетчила здесь вчера допоздна, вырисовывая прожилки на листьях, и, похоже, просто не захлопнула плотно дверь, когда возвращала ветку на место.

– Да почему чуть что – сразу Амара? – огрызнулась я, идя в глупую атаку.

Мама с такой яростью грохнула дверцей, что бабуля на секунду прервалась..

Щелк. Щелк..

– Язык длинный?! Я сейчас у бабушки секатор одолжу, и укорочу! – отрезала мама, обрисовывая меня леденящим взглядом. – Дерзить она мне будет. Переставляла она пионы, видите ли. Они стоят в холоде не из-за моих капризов, Амара. Еще час такой вентиляции и половину нераспроданной поставки можно выносить на помойку.

Если бы она узнала, что я таскаю цветы из этого sklepa ради своих рисунков, помойка, о которой она говорит, ста-

ла бы моим домом. Но мама уже включила режим бензопилы, засыпая меня нотациями и не давая вставить ни слова. Моя злость предсказуемо взяла верх над логикой. Да, у мамы есть редкий талант доводить меня до состояния ментального взрыва.

Мы не всегда были такими. Честности говоря, бывали и другие дни, когда мама включала Чайковского в пять вечера, кружилась над огромным свадебным заказом, и Тюльпани превращался в райское агентство, а не просто лавку цветочного бутикаа. В такие редкие мгновения между нами таяла ледяная стена, исчезала ее стервозность. Я забиралась в глубокое бархатное кресло у столика-бабочки и спокойно читала, наслаждаясь моментом.

Но сейчас маму укусила пчела, в одно место, по имени *Chelsea Flower Show*. Сейчас она постоянно только и трещит о нем так, как священники лопочут о рае. Туда не попадают с дизайнерскими композициями просто так, а годами продираются через тернии флористического мира, словно это ее единственный пропуск в чертоги господни. Но если серьезно, то для мамы это сейчас недостижимая гордость флориста. Для нее это вершина мира. Возможно, она так яростно презирает мои способности и превозносит дисциплину просто потому, что до смерти боится творческого разочарования.

Бутик открывается в девять. До этого времени – мы двое: я и мама, а иногда и бабуля – настраиваемся на работу. Это не то чтобы даже работа, а скорее как семейный распорядок,

и я в него встроена потому что в нашем доме иначе невозможно. Прохлаждаться, по словам мамы, – недопустимо..

– Может, если бы у нас был нормальный холодильник, а не этот..– я демонстративно ткнула шваброй в сторону шалфейной рамы, – проблем бы не было? Пора признать, что этот антиквариат держится исключительно на твоём упрямстве, мам, а не на технике.

– Этот, как ты говоришь, *антиквариат*, дорогая моя, работает как швейцарские часы. Если у кого-то хватает ума закрывать за собой двери.

Щелк..Щелк. Щелк.

Бабуля Элиз с тяжелым вздохом подняла глаза от стеблей. Ее взгляд медленно переполз с мамы на меня, скользнул по холодильнику и брезгливо замер на луже. Выражение лица у нее было как у зрителя, который шел на легкую комедию, а попал на шекспировскую трагедию.

– Скандал не вытрет конденсат! – ее интонационный авторитет настолько непререкаем для мамы, что та осекается быстро.

Бабуля умеет одним предложением закрыть любой конфликт с ней, никогда не опускаясь до поиска виноватых. Мама ее уважает, а я иногда даже побаиваюсь, хотя она самый спокойный человек в нашей семейке с прибабахом.

Я как раз набрала воздуха, чтобы выдать очередную колкость маме, когда над дверью заливисто пикнул звонок. Все три головы повернулись к выходу одновременно, как по ко-

манде. Бабушка даже не смотря на кнопку над стойкой –
ткнула кнопку, и замок на входной двери со скрежетом от-
крылся.

Наш Тюльпани прятался на тихой улочке Челси, в двух шагах от Кингс-роуд, зажатый между пафосными галереями, пыльными антикварными лавками и моим персональным раем – старым книжным *John Sandoe Books*.

В детстве мама сама водила меня туда. Что, если оглянуться назад, казалось сплошным сюрреализмом, как и многое в моей жизни. После таких прогулок она всегда опускалась на корточки, ловя мой взгляд, и с улыбкой спрашивала: «*Ну что, покажем, как кысочки целуются?*» Мы терлись носиками и заливались смехом. Радость танцевала у меня в груди. Тогда у меня не было ни единого сомнения, что эта женщина любит меня больше масштабов самой Вселенной.

Ирония в том, что она любит меня и сейчас. Просто любовь не всегда выглядит как букет цветов с розовым бантом. Да и люди, которых мы любим, редко соответствуют нашим чертовым ожиданиям.

А должны ли?

Внутри Тюльпани очень отличается от своего скромного фасада. С улицы прохожие видели лишь узкую витрину, аккуратную вывеску с тиснением и одинокий шикарный куст гортензий у двери. Но внутри скрывается тяжелая роскошь, которую случайные прохожие могут зацепить взглядом только в сумерках.

В центре зала сияет хрустальная люстра – каскад сверкающих нитей и капель, купленный мамой на каком-то закрытом аукционе. Она ловит каждый луч и рассыпает его по стенам мелкими, где-то даже острыми искорками. На закате кажется, будто в бутикее идет тихий стеклянный дождь. Это, кстати, единственный момент в сутках, когда я испытываю к этому месту прилив нежности. Потом солнце уходит, магиядохнет, и остаемся только ведра, я и мамин командный голос.

Стены, выкрашенные в фарфорово-белый, далеко не пустые: по ним вьется сложный гипсовый рельеф. Лепные вьюны уходят под потолок, переплетаясь и распускаясь тонкими бутонами. Тот, кто это создавал, явно был чертовым гением.

В углу примостился круглый чайный столик: стеклянная столешница покоится на фигуре массивной белой бабочки с фиолетовыми бензиновыми переливами. Ее крылья выглядят так, словно их выточили из цельного куска хрусталя, и когда на них падает свет, по залу разлетаются безумные солнечные зайчики. Иногда мне кажется, что она взмахнет крыльями и улетит к чертям вместе со всеми нашими непопеченными счетами и налогами. Папа, думаю, точно не стал бы ее ловить.

Столик окружают два глубоких кресла из темно-изумрудного мягкого бархата. Настоящее королевское великолепие. Их серебристые металлические ножки извиваются, имитируя лианы, стебли которых поднимаются вверх и оплетают

спинку.

На полу выложена серо-белая шахматная плитка, слегка потерявшая в самом центре. Готова поспорить, она видела еще королеву Елизавету в молодости, но идеально вписывается в интерьер. Клетки отполированы до зеркального блеска: мама лично драит их каждое воскресенье содой, которую заказывает в русском магазине на Бромптон Роад, а потом весь день ходит по лавке исключительно в носках, карая любого, кто посмеет наступить сюда в обуви. Плитка отражает все: интерьер с цветами, люстру, наши напряженные лица. Когда стоишь в центре, кажется, что зависишь над водой.

Стекла в пол между выходом украшает пара прозрачных светлых тюля. Вдоль стен тянутся те самые шалфейные витрины-холодильники, делящие пространство на четкие геометрические квадраты. Внутри, в холодном неоновом свете, рядами теснятся серебряные ведра со свежей водой. Воду каждый вечер в шесть часов меняет папа. Каким бы уставшим он ни возвращался со своей основной работы, он всегда заявляет, что *«его девочки не должны таскать тяжести, если только эти тяжести не упакованы в красивую бумагу»*. В этом столько щемящей нежности, что у меня каждый раз сжимается сердце.

В глубине этого цветочного sklepa висит массивный серый бетонный стол для сборки букетов, а рядом с ним располагается жемчужина маминой интерьерной композиции — комнатная теплица для горшечных растений. Она повторяет

дизайн шалфейных рам и стоила как крыло от самолета. Из нее струится мягкий, рассеянный теплый свет, согревая десятки горшков с травами живыми цветами и карликовыми цитрусовыми деревцами.

Иногда я ловлю себя на мысли, что мы могли бы быть нормальной, счастливой семьей в какой-нибудь глухой английской деревушке. Жили бы в доме из дикого камня, с заросшим садом и кучей книг, где мамсоль ковырялась бы в земле под открытым небом, а не чахла над срезанными стеблями. Ладно бы только наша квартира была в цветах, – но этот бутик вообще странное противоречие: как можно так безумно любить цветы и одновременно делать бизнес на трупах растений, которые сохнут в вазе через три дня? Клиенты восхищенно вздыхают, твердя, что здесь *пахнет жизнью*. Мне всегда хочется цинично рассмеяться этим лицемерам в лицо, потому что для меня это скорее элитный морг для цветов ради пары дней в помещении. Хотя ладно, запах июля здесь действительно сбивает с ног. Розы за стеклом поют нежно и бархатисто, левкой держатся тихо, но не немо, в отличие от веток сирени. Весь этот летний ассортимент – темно-малиновые и кремовые розы, лилово-белые пионы с тонкими, почти прозрачными прожилками лепестков, персиковые ранункулюсы с сочной салатовой сердцевинкой – громоздятся до самого потолка. Бутоны слегка покачиваются от движения воздуха из кондиционера, словно шепчутся о своей скорой кончине. Мама знает имя, сорт и родословную каждого

цветка. Мне же хватает ценников. И лужи, которая сейчас триумфально красуется в самом центре этого великолепия.

Я перевела взгляд на незваного гостя. На часах ровно девять. Полчаса утренней ругани пролетели как шесть минут.

На пороге стоит парень. На вид он мой ровесник или чуть старше. Белая футболка и шорты так щедро уделаны краской. Синие, зеленые, грязно-серые мазки покрывают его запястья, пальцы и даже левую щеку, прямо у шрама, тянувшегося от скулы к самому глазу. Он явно это все и сам видел, когда направлялся к нам.

От него за версту несет свежим художественным лаком и едкими пигментами. Этот резкий, наглый запах разрезал стерильную парфюмерную песню наших цветов так быстро, что я почти зауважала этого нахала.

Мы обменялись любезными приветствиями. Парень лениво оглядел помещение, задерживая взгляд сначала на луже конденсата, затем на наших недовольных лицах, и тонкие губы тронула едва заметная усмешка.

– Простите, – выдал он тоном, в котором извинениями даже не пахнет.. – Кажется, я не вовремя.

Мама неуловимо изменилась в лице. Для нее этот визит в разгар семейной сцены как пощечина по репутации премиального цветочного агентства. Но она среагировала как перwokлассная актриса триллеров: маска ярости мгновенно сменилась улыбкой доброй цветочной феи.

– Напротив! Добро пожаловать, – пропела она приторным

ГОЛОСОМ.

Повернувшись ко мне, она процедила сквозь зубы, не меняя выражения лица: – Амара, будь добра, вытри то, что ты натворила.

Я молча попятилась со шваброй под аккомпанемент бабушкиного инструмента. Бабуля, к слову, даже ухом не повела и продолжала свою медитативную казнь цветов, искусно делая вид, что ее здесь вовсе нет.

Щелк. Щелк. Щелк.

И почему мамин взгляд всегда заставляет мои поджилки трястись? Это такое жуткое зрелище: губы улыбаются клиенту, а глаза обещают сделать из моих костей отличное удобрение для ее комнатных растений..Считается ли такое решение ландшафтным дизайном на костях?

– Чем мы можем вам помочь? – вкрадчиво поинтересовалась мама.

Парень сделал пару шагов вглубь зала, где я с покорностью рабыни размазывала воду по шахматной плитке. Теперь на месте лужи красуются влажные разводы. Абсолютно не смущаясь своего внешнего вида, он принялся разглядывать ведра. Прошелся вдоль холодильника и, явно затягивая паузу, наконец выдал:

– Мне нужны цветы.

Он повернулся и уставился прямо на меня, застывшую в обнимку со шваброй. Мое замешательство, видимо, подстегнуло его продолжить вести себя колко:

– Но, глядя на общую картину.. кажется, они у вас сейчас не в лучшем состоянии.

Если этот нарцисс хотел поинтересоваться природой лужи, мог бы сделать это менее ублюдским способом. Цветы в полном порядке, но его манеры оставляли желать лучшего. Мама сделала мне едва заметный знак подбородком в сторону лестницы. Мол, исчезни.

Тут в игру внезапно вступила бабушка. Она высказалась в пространство, ни разу не взглянув на парня:

– Справа тоже есть стеллажи, молодой человек. Если вам ничего не приглянется– в Челси полно других лавок.

Я ошалело замерла. Мама благодарно улыбнулась ей, хотя та даже не смотрела. Для Элиз Хоторн осадить наглеца было делом одной секунды, но маму вся эта ситуация явно выбила из колеи. Она злится..

– Наверх, – одними губами скомандовала мне мамсоль. – Чтобы до ужина я тебя не видела.

– Ну мам!

– Ты плохо слышишь?

Я с грохотом швырнула швабру в угол и рванула к лестнице. Схватившись за холодные металлические перила в виде серебристой травы, я почувствовала, как обида горячей волной подкатывает к горлу. В глазах и носу защипало. И тут меня понесло. Сорвало предохранители.

– Ах, цветы?! – я резко развернулась на третьей ступеньке, глядя на парня сверху вниз. –И какие же именно вам угодны,

ваше колючее величество? Или вы явно ошиблись лавкой, поскольку гипсовые цветы продаются напротив!

Я тут же поймала ошеломленный взгляд мамы. Подозреваю, бабулин язык тоже заостенел от шока. Парень явно не ожидал такого в свой адрес. Да и я от себя такого не ожидала. В бутикее ненадолго застыли все и лишь тихо играет из невидимых колонок, будто до этого и не звучала *Gymnopédie №1 Эрика Сати*.

– Извините, – быстро сориентировалась мама, натянув фальшивую улыбку.

– А вообще у нас же премиальный сервис! – выплюнула я с верхней площадки. – Широкий спектр услуг: букеты на заказ, авторские вазы, может и гипсовые цветы заменим специально для Вас на самодельные из оригами, если вы ошиблись!

Бабуля Элиз с размаху хлопнула секатором по бетонному столу: – Амара! Достаточно!

Мамины каблуки уже стучат по ступенькам. Она железной хваткой ногтей вцепилась в мой локоть – до боли – и поволокла за собой в квартиру. Снизу донеслось, как бабушка берет инициативу в свои руки: «Какие цветы, молодой человек?». Голос у нее, надо признать, оставлся безупречно вежливым. Парень что-то ответил, но из-за грохота нашего топота я расслышала только его спокойную, бархатистую интонацию.

Впрочем, перед тем как меня утащили, я успела заметить,

как уголки его губ поползли вверх. Эта мимика и острая улыбка.. Меня словно током прошибло.

Я уже видела его раньше.

10:14. Апрель. Роял-Холлоуэй, корпус кафедры изобразительного искусства. Портфолио-просмотр

В такие дни сильнее всего боишься показаться самозванцем. Вокруг меня блуждают люди, окончившие художественные школы или имеющие за плечами мощную базу. Мое полное отсутствие официального образования высасывает остатки уверенности, превращая в испуганного ежика в тумане. В такие моменты больше всего боишься привлечь к себе внимание «не тех» людей.

Апрель в Лондоне – это всегда синоптический кризис. Никогда не знаешь, ливанет через минуту или нет; зонт нести лень, но без зонта страшно высунуть носа. Родители по уши в работе, а я из-за дикого предэкзаменационного мандража просто не смогла сесть за руль. Изелин сдавала свои вступительные на филологический в другой день и по личным причинам отвезти меня не получилось, так что группа поддержки отсутствует. Именно поэтому я сорок минут тряслась в электричке от Ватерлоо, наблюдая, как плотная кирпичная застройка Лондона постепенно рассыпается, уступая место сочной пригородной зелени и полям.

Кампус Роял-Холлоуэй вырос прямо за станцией. Огромный замок из красного кирпича, готические башни, флюгеры. Он выглядит в точности как на глянцевых буклетах,

только в разы монументальнее. В холдинг-зале уже сидели абитуриенты, когда я вошла. Огромные папки с работами были у всех, кроме одного странного парня. Лица у всех присутствующих выражают стандартный набор: нервный тик, крайняя степень истощения и глухая агрессия. (Я не исключение)

В моей папке лежит всего двенадцать листов. Я отбирала их три мучительных месяца. Меняла, выбрасывала, возвращала обратно. В итоге оставила то, что было безупречно с точки зрения техники, а не просто красивенько; чистые ботанические зарисовки карандашом, несколько листов с набросками серым линером. Под конец решила добавить еще один большой лист ранункулюса крупным планом, хоть он мне и кажется самым бесполезным из всех работ. Мама была свято уверена, что я сутками готовлюсь к экзаменам по математике и статистике, для чего мне и требовались тонны бумаги формата А4. Это не было стопроцентной ложью и я действительно готовилась, параллельно. На случай, если с искусством все полетит к чертям. Мне повезло: расписание экзамена по математике совпало по дню с творческим конкурсом, разница составляла два с половиной часа. Но все основное время пожирала чертова папка. Об этом знали все, кроме Азелии Хоторн.

В зале ожидания было человек восемь. Девочка азиатской внешности судорожно раскладывала свои рисунки на стуле и складывала их обратно по кругу. Высокий парень в углу

гипнотизировал потолок. Я забилась к окну, воткнула наушники с Чайковским – плевать, лишь бы заглушить стук собственного сердца, и замерла.

Меня вызвали второй. Комната приемной комиссии оказалась крошечной: стол, за ним трое профессоров маминого возраста. Один из них лениво листал мою распечатку заявления. Я разложила свои двенадцать листов.

Молчание длилось вечность. Эта рабочая тишина буквально поедала кусками мою итак израненную душу. Они просто смотрели. Затем женщина в строгих очках выудила ранункулюс и подняла его к свету. Мужчина листал наброски линером, а третья преподавательница даже не была заинтересована.

– Вы рисовали это с натуры?– прервала тишину женщина с ранункулюсом.

– Да. В бутикее. В цветочном.. У нас семейный бизнес. И там даже теплица есть.

– Сколько времени ушло на этот лист?

– Около часа. На этот.. Остальные по-разному.

Щеки обожгло яростным румянцем. И снова эта тишина, пожирающая изнутри. Профессор положила рисунок на место.

– Спасибо, Амара. Можете подождать в холле.

И все? Вот так? Никакой критики, никаких похвал. Просто подождите в холле?!

Я трясущимися руками сгребла работы и вышла. Сил не

было уже вообще. В этом полуобморочном состоянии я просидела на жесткой деревянной скамье минут двадцать. Потом из дверей вылетела девушка с длинным конским хвостом черного цвета и заплаканными глазами, хотя за дверью никто не кричал. Атмосфера накалялась. Все сидели, уткнувшись в телефоны. Если бы я провела там еще десять минут, мои нервы сгорели бы со звуком лопнувшей струны. На математику сил не оставалось уже точно.

Нахрена я вообще поверила в себя?

На обратном пути в электричке я тупо смотрела, как Лондон снова пожирает поля, наползая высотками и серыми мостами через Темзу. Папка на коленях казалась мне булыжником, хотя в ней ничего не изменилось. Двенадцать листов. Три месяца жизни.

Может, ну его к черту?

Вход в нашу квартиру располагался с заднего двора, через крошечный закрытый палисадник. Папа работал сегодня у себя в кабинете. Я тихо зашла и спрятала папку в его шкаф, куда мама никогда не заглядывала.

Он поднял голову от ноутбука: – Ну как?

–Еще не знаю, – выдохнула я.

– Ладно, – спокойно ответил он и вернулся к работе. А я пошла в ванную, смывать с себя этот бесконечный день.

И только сейчас, стоя на нашей кухне под маминым сверлящим взглядом, до меня дошло.

Этот парень из бутикаа. Он ведь был там, в Роял-Хол-

лоуэй. Сидел у окна в коридоре, пока я ждала результат. Только он ничего не сдавал и просто ждал кого-то из профессоров. Когда тот вышел, они долго шептались, изучая какой-то официальный бланк. На нем тогда была строгая синяя рубашка с закатанными рукавами и черные брюки.

Из восьми человек в холле только пятерых, включая меня, допустили до практической части в аудитории, пропахшей известкой, подрамниками и едким лаком. Нас заставили рисовать куб. Из-за дикого стресса я не могла поймать фокус. Я отлично делала это в десять лет, но мама выдернула меня из художки до того, как нам нормально объяснили законы перспективы, линию горизонта и точки схода. Поэтому я делала то, что умела лучше всего – смотрела на других; как они держат карандаш, как вытягивают руку, зажмурив один глаз, отмеряя пропорции грифелем. Мне важен был сам процесс, механика движений и их логика.

Этот парень тогда зашел в аудиторию как наблюдатель. И он заметил как я безбожно копирую чужие действия. И улыбнулся точно так же, как сегодня, овеянный запахом лака и испачканного в пигментах. Острыми, насмешливыми уголками губ. Я тогда уставилась на него как идиотка, чувствуя, как лицо заливают краской. Я была уверена, что он меня не запомнит. Его серые глаза, похожие на лондонский туман, еще тогда вызвали у меня волну паники. И сейчас, в бутикее, этот туман вернулся, превращая меня в тот самый открытый холодильник для цветов, который стремительно покрывает-

ся конденсатом от перепада температур.

«И какие же именно вам угодны, ваше колючее величество?»

Господи, зачем я это сказала?

Мама быстро ушла вперед меня по коридору нашей четырехкомнатной квартиры.

– Амара! – донеслось уже из кухни. Я вздрогнула второй раз за день и поспешила закрыть входную дверь направляясь навстречу своей казни.

Мне точно конец. Но почему внутри все так странно вибрирует?

ГЛАВА

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.